

Вещное окружение как средство формирования психологизма в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»

Ирина Андреевна Бабенко¹, Дмитрий Валентинович Шабельский²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, корп. 20, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент

0000-0001-7380-5561. E-mail: irinababenko17488[at]yandex.ru

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, корп. 20, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)
магистрант филологии

0009-0009-5867-3308. E-mail: sabelskijdmitrij6[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бабенко И. А., Шабельский Д. В., 2024

Аннотация. В статье исследуется специфика вещного окружения в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» как одного из способов формирования психологизма. Насыщенный вещными деталями художественный мир произведения, с одной стороны, характеризует внутренний мир героя, а с другой, становится активным участником действия, вызывающим в конечном счете гибель Ивана Ильича. В повести представлен специфический образ дома-могилы, в отличие от дома — места силы, единения, гармонии, как в более ранних произведениях («Война и мир», «Анна Каренина»). С чрезмерным вниманием обустроенное жилище Ивана Ильича наполнено огромным количеством вещей, которые устраивают своеобразный «бунт», ускоряют уход хозяина, делают невыносимыми последние дни и даже после его смерти отвлекают на себя внимание пришедших проститься. Вещи в повести предстают неотъемлемой частью жизни, забирающей жизненную силу у людей, выбравших бездуховное существование и ставших заложниками этих самых вещей и внешнего лоска.

Ключевые слова: психологизм, вещный мир, Л. Н. Толстой, художественная деталь, русская литература XIX в.

Для цитирования: Бабенко И. А., Шабельский Д. В. Вещное окружение как средство формирования психологизма в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 121–134. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-121-134

The Material Environment as a Means of Forming Psychologism in L. N. Tolstoy’s Novel “The Death of Ivan Ilyich”

*Irina A. Babenko*¹, *Dmitry V. Shabelsky*²

¹North Caucasian Federal University (1, bldg. 20, Pushkin St., 355009 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-7380-5561. E-mail: irinababenko17488[at]yandex.ru

²North Caucasian Federal University (1, bldg. 20, Pushkin St., 355009 Stavropol, Russian Federation)

Master’s degree in Philology

 0009-0009-5867-3308. E-mail: sabelskijdmitrij6[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Babenko I. A., Shabelsky D. V., 2024

Abstract. The article examines the specifics of the material environment in the story by L. N. Tolstoy “The Death of Ivan Ilyich” as one of the ways of forming psychologism. The artistic world of the work, saturated with material details, on the one hand, characterizes the inner world of the hero, on the other hand, it becomes an active participant in the action, ultimately causing the death of Ivan Ilyich. The story presents a specific image of a house-grave, in contrast to a house - a place of strength, unity, harmony, as in earlier works (“War and Peace”, “Anna Karenina”). Ivan Ilyich’s home, furnished with excessive attention, is filled with a huge number of things that create a kind of “rebellion,” hasten the owner’s departure, make the last days unbearable, and even after his death, distract

the attention of those who came to say goodbye. Things in the story appear as an integral part of life, taking away vitality from people who have chosen a soulless existence and become hostages of these very things and external gloss.

Keywords: psychologism, material world, L. N. Tolstoy, artistic detail, Russian literature of the 19th century

For citation: Babenko I. A., Shabelsky D. V. Material Environment as a Means of Forming Psychologism in the Novel by L. N. Tolstoy “The Death of Ivan Ilyich”. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 1: 121–134. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-121-134

1. Введение

Искусство психологического анализа Л. Н. Толстого многократно становилось предметом научных исследований. Как правило, отправной точкой их является тезис Н. Г. Чернышевского о «диалектике души» [[Чернышевский 1939: 305](#)]. Л. Н. Толстой активно разрабатывал как в целом собственную концепцию психологического анализа, так и новые приемы или комбинации приемов психологического анализа: авторское психологическое повествование, психологическая деталь, пейзажные картины, интерьер и т. д. Истоки новаторских подходов, на наш взгляд, следует искать прежде всего в мировоззрении, индивидуально-авторской картине мира писателя, стремившегося с самого раннего периода своего творчества визуально и художественно убедительно проследить во всех деталях процесс морального самосовершенствования человека, показать истину, найденную им в результате внутренней работы над собой.

Творчество Л. Н. Толстого стало вершиной психологической прозы третьей трети XIX в., а psychologism как конструктивный компонент всей русской классической литературы XIX в. сохранил свое лидирующее положение и в XX, и в XXI столетиях, претерпевая различные художественно-эстетические трансформации.

2. Методология исследования

Psychologism — это художественная форма, воплощающая идейно-нравственные искания героев, форма, в которой литература осваивает становление человеческого характера посредством

изображения констант внутреннего мира. Это освоение достигается использованием особых психологических приемов или средств, которые формировались и развивались в различные историко-литературные эпохи.

Н. Д. Тамарченко трактует психологизм с позиций интроспекции как метод психологического исследования, самонаблюдения человека: «прием или способ изображения динамики внутренней жизни героя (возникновения и смены его настроений, переживаний, деятельности сознания, а также тех или иных проявлений бессознательного) либо извне, с точки зрения безличного повествователя, либо изнутри — как процесс его (героя) самосознания» [Поэтика 2008: 83].

По мнению С. Г. Бочарова, «психологизм является свойством, характерным не для всего искусства и не для всей литературы, а лишь для определенной их части. При этом „писатели-психологи“ изображают внутренний мир человека особенно ярко, живо и подробно, достигают особой глубины в его художественном освоении» [Бочаров 1960: 84].

А. Б. Есин при исследовании проблемы психологизма акцентировал внимание на «изображении внутреннего мира персонажей, их мыслей, переживаний, желаний, устремлений и т. д.» [Есин 1988: 106]. Психологизм — это определенная художественная форма, в которой выражается идейно-эмоциональное содержание художественного текста. Наличие или отсутствие этой формы в первую очередь зависит от идеи произведения, от его содержания, которое закономерно приводит к использованию именно таких приемов изображения личности человека. Весьма распространенной в литературоведении является точка зрения, согласно которой «основной причиной возникновения психологизма является тематика произведения, особенности изображенных характеров» [Страхов 1975: 105].

Г. Н. Пospelов подчеркивал, что «именно проблематика оказывает влияние на особенности образной художественной формы произведения, на присутствие или отсутствие в нем психологизма. Проблематика каждого писателя, на самом деле, индивидуальна, она отражает особенности его творческой личности» [Введение в литературоведение 1988: 327].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что о психологизме можно говорить лишь в том случае, когда психологическое изображение становится основным способом, с помощью которого познается изображенный характер, когда оно несет значительную содержательную нагрузку, раскрывая при этом специфику идейно-тематического содержания, проблематики и пафоса произведения. Одновременно возникают и особые, соответствующие художественным задачам способы освоения внутреннего мира человека. Психологическое изображение в литературе может осуществляться в нескольких основных формах. Для психологизма в отличие от непсихологического принципа построения образа характерны особые закономерности в сочетании и использовании этих форм.

Резюмируя точки зрения разных ученых, можно сказать, что одним из основных способов психологического изображения жизни, наряду с внутренним монологом, портретом, пейзажем, спецификой хронотопа и композиции, является вещное окружение. Вещная деталь способна чрезвычайно выразительно передавать психологическое состояние персонажа, одновременно и характеризовать героя, и выражать авторское отношение к нему. Изучая мир вещей как таковой, вещное окружение персонажа, можно многое уяснить не только о его жизни, характере, душевной организации, но об укладе жизни определенного социального слоя в целом («интерьер — это описание внутреннего убранства помещений, характеризующее эпоху, страну, социальный статус владельца, его вкусы» [*Литературная энциклопедия 2001: 309*]). Именно интерьер в литературном произведении придает художественной реальности конкретно-предметные формы. При этом, по словам О. В. Барабаш, обстановка, в которой действует герой, изображается, как правило, двумя основными способами как объективная данность (в таком случае вещное окружение выступает фоном) и как субъективное восприятие героя (вещь становится источником впечатлений, переживаний, раздумий персонажа) [*Барабаш 2008: 17*].

Творчество Л. Н. Толстого во многом предвосхищает и определяет специфику изображения вещного мира в литературе XX в. По словам В. Е. Хализева, этот период ознаменовался «небывало широким использованием образов вещного мира не только как

атрибутов бытовой обстановки, среды обитания людей, но и (прежде всего!) как предметов, органически сросшихся с внутренней жизнью человека и имеющих при этом значение символическое: и психологическое, и ”бытийное“, онтологическое» [Хализев].

В данной работе мы будем рассматривать вещное окружение в качестве одного из средств формирования психологизма в художественном мире повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Большое влияние на формирование развиваемой концепции оказала работа А. П. Чудакова «Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого», в которой «в полной мере уделяется внимание объектной организации текста и поднимается вопрос о недостаточной изученности предметного мира произведений литературы» [Чудаков 1992: 90].

3. Материалы исследования

Литература в отличие от психологии художественно осваивает бытие человека не только как биологического существа, а прежде всего как личности, обладающей неповторимой сложностью душевной организации, существа общественного. Именно поэтому внутренний мир героя изображается в произведении таким образом, чтобы создать художественно убедительный образ, обозначить его идейно-нравственные приоритеты и уникальность.

Смысловым центром повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» являются мучительная болезнь, душевные и физические метаморфозы и смерть главного героя, которые сопровождаются своеобразным восприятием предметов быта. С первых строк произведения читатель буквально погружается в вещный мир, который переполнен и нагружен деталями: «войдя в ее обитую розовым кретоном гостиную с пасмурной лампой, они сели у стола: она на диван, а Петр Иванович на расстроившийся пружинами и неправильно подававшийся под его сиденьем низенький пуф» [Толстой 1987б: 249], «вообще вся гостиная была полна вещей и мебели» [Толстой 1987б: 249]. Каждый предмет интерьера описан подробно, с множеством деталей, что в какой-то степени мешает восприятию, но в то же время акцентирует внимание на принципиальной важности вещного мира для героев повести.

Так, тяжелая сцена панихиды словно «размывается» огромным количеством деталей, предметами быта, мебелью, которые не

только переключают на себя внимание читателя, но и мешают героям, доставляя тем физические неудобства и отвлекая от самого действия. Петр Иванович, который больше раздражен необходимостью присутствия на прощании, то и дело переключается с ухода товарища на незначительные, пустяковые, цепляясь за окружающие его детали.

Поступки, которые герой совершил в прошлом, даже самые дурные, как, во всяком случае, он их воспринимает, вспоминаются им, прежде всего, с точки зрения их вещного, предметного окружения: «Все происходило с чистыми руками, в чистых рубашках, с французскими словами и, главное, в самом высшем обществе, следовательно, с одобрением высоко стоящих людей» [Толстой 1987б: 259]. Как видим, одобрение людей и, тем более, моральная оценка указаны уже после таких деталей, как чистые руки, рубашки и ничего не значащие французские слова.

Интерьер последнего жилища Ивана Ильича в определенной степени схож с гоголевскими по своей концентрированности. Каждая вещь не только названа, но и в некотором роде олицетворена («поющие двери» в «Старосветских помещиках» и «бунтующий пуф» в повести), связана с определенными, нередко приятными, воспоминаниями (описание шкатулки Чичикова и его любовное перебирание каждой вещицы, и выбор Иваном Ильичом предметов интерьера, подбор места для них).

Но вещная загроможденность у Н. В. Гоголя является органичной частью художественного мира, частью самих персонажей: «словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: „И я тоже Собакевич!“ или: „И я тоже очень похож на Собакевича!“» [Гоголь 1985: 145], а иногда и предметом этнографического интереса или даже определенного «любопытства» автора.

У Л. Н. Толстого же предметы интерьера так любовно выбираются Иваном Ильичом при обустройстве жилища («засыпая, он представлял себе залу, какую она будет. Глядя на гостиную, еще не оконченную, он уже видел камин, экран, этажерку и эти стульчики разбросанные, эти блюда и тарелки по стенам и бронзы, когда они все станут по местам... В особенности ему удалось найти и купить дешево старые вещи, которые придавали всему особенно благородный характер» [Толстой 1987б: 260]),

как не выбиралась даже спутница жизни («Иван Ильич не имел ясного, определенного намерения жениться, но когда девушка влюбилась в него, он задал себе этот вопрос: „В самом деле, отчего же и не жениться?“ — сказал он себе» [Толстой 1987б: 253]). В какой-то момент вещный мир настолько захватил Ивана Ильича, что начал мешать службе, составлявшей почти весь его интерес в жизни: «Все это так занимало его, что даже новая служба его, любящего это дело, занимала меньше, чем он ожидал. В заседаниях у него бывали минуты рассеянности: он задумывался о том, какие карнизы на гардины, прямые или подбранные» [Толстой 1987б: 261]. В повести не вещи кричат о принадлежности хозяину, а, наоборот, Иван Ильич несказанно счастлив, что обладает ими. Но во время его болезни и даже после смерти многочисленные предметы становятся лишними, неуместными, все время отвлекают на себя внимание, тем самым демонстрируя тщетность и напрасность усилий героя, обнажая бездуховность как его жизни, так и жизни общества в целом. Кажется, что, окружив себя такими приятными и милыми сердцу вещами, испытал ложное чувство гармонии с этим, вещным, миром, Иван Ильич словно «утонул», растворился в нем, отдал вещам свою живую душу.

Интересно в этом отношении сопоставление вещного окружения, фактически заменившего и заслонившего образ дома в повести, с более ранними произведениями самого Л. Н. Толстого. Так, дом Ростовых в романе-эпопее «Война и мир» — это большой живой организм, своего рода храм, противопоставленный ужасам войны, в котором можно укрыться и спастись от любой беды. Об этом говорят в том числе и следующие строки: «Всякий молодой человек, приезжавший в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему-то (вероятно своему счастью) улыбающиеся, девические лица, на эту оживленную беготню, слушая этот непосредственный, но ласковый ко всем, на все готовый, исполненный надежды лепет женской молодежи, слушая эти непоследовательные звуки, то пенья, то музыки, испытывал одно и то же чувство готовности к любви и ожидания счастья, которое испытывала и сама молодежь дома Ростовых» [Толстой 1987а: 289]. Святыней, строжайшим мироздания является дом и для Левина в романе «Анна

Каренина», недаром умирающий Николай наказывает брату: «Да смотри же, ничего не переменяй в доме, но скорее женись и опять заведи то же, что было» [Толстой 1987а: 445]. Для Ивана Ильича дом, наполненный вещами, с такой любовью и вниманием подобранными, становится не храмом, а могилой. Неслучайно первый раз читатель видит героя уже мертвого, лежащего в гробу в одной из комнат своего дома, а встречает Петра Ивановича, прибывшего попрощаться с покойным, крышка гроба, словно бы заменившая собой дверь.

Именно вещи и стремление как можно лучше обустроить интерьер становятся толчком к развитию болезни Ивана Ильича: «Раз он влез на лесенку, чтобы показать непонимающему обойщику, как он хочет драпировать, оступился и упал, но, как сильный и ловкий человек, удержался, только боком стукнулся об ручку рамы. Ушиб поболел, но скоро прошел» [Толстой 1987б: 263].

Именно с этим эпизодом можно связать начало так называемого «бунта вещей» в повести. «В основном повествовании выявлено два периода в развитии мотива: до болезни, когда герой и „вещи“ находятся в состоянии устойчивой гармонии; период болезни и смерть, когда „вещи“ становятся неуправляемыми и служат непосредственной причиной катастрофы» [Переверзева 1986].

Бунт выражен не только в эпизодах с пуфом («и опять пуф забунтовал и даже щелкнул» [Толстой 1987б: 251]), но и сценах, когда обрываются шнуры на гардинах, падает свеча с подсвечником: «Он вскочил и попытался зажечь свечу, нащупал ее дрожащими руками, уронил свечу и подсвечник на пол и откинулся на подушку» [Толстой 1987б: 276]. Вещи словно пытаются ускорить конец своего хозяина, а приятная обстановка, создаваемая ими до болезни, превращается в тягостную атмосферу ожидания скорого конца.

Отдельно следует упомянуть о цветовой характеристике вещей, наполняющих художественное пространство повести. Неслучайно многие вещи, являющиеся важным идейно-образным и смысловым ключом для анализа и интерпретации текста, черного цвета, что вполне соответствует названию и ключевым событиям повести. Так, с первых страниц произведения возникает черная рамка некролога с известием о смерти героя, которая «задает минорный тон всему нарративу» [Лученецкая-Бурдина 2001: 62],

актуализируя в сознании читателя особые интенции, связанные в свою очередь с таким колоративом. Кружево черного цвета как образ постоянно путающейся одежды о другие предметы также выступает в паре с «расстроившимся пружинами и неправильно подававшимся под сиденьем пуфом» [Толстой 1987б: 252]. Они лишь выполняют комплексно психолого-символическую роль сопротивления человека истине, указывая на некую порочность людей филистерского круга.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина отмечает, что с помощью образа «узкого черного мешка» воссоздано психическое состояние умирающего персонажа [Лученецкая-Бурдина 2001: 134], который понимает, насколько ненастоящей, бездуховной была его жизнь. Об этом говорят следующие слова: «Все три дня, в продолжение которых для него не было времени, он барахтался в том черном мешке, в который просовывала его невидимая, непреодолимая сила. Он бился, как бьется в руках палача приговоренный к смерти, зная, что он не может спастись; и с каждой минутой он чувствовал, что, несмотря на все усилия борьбы, он ближе и ближе становился к тому, что ужасало его» [Толстой 1987б: 287].

Как видим, в этих примерах интерьер, т. е. вещное окружение является отражением мировосприятия умирающего героя, который к тому же приходит к ужасающему выводу о беспросветности, «душности» и, по большому счету, ничтожности своей жизни, служит психологическим отражением нравов, особенностей социальной среды и характера.

В этом отношении весьма существенным является мотив света, который противопоставлен черному цвету, является своего рода лучом надежды для героя: «...Иван Ильич провалился, увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить» [Толстой 1987б: 276]. Герою становится очевидным, что вещный мир, роскошь, которой он окружал себя, были ложными ценностями, и теперь они послужили отправной точкой к возрождению, но было уже слишком поздно.

Традиционным для психологического анализа в произведениях Л. Н. Толстого является функционирование отдельных вещей, несущих особую психологическую нагрузку, своего рода знаков.

В повести «Смерть Ивана Ильича» можно выделить несколько таких образов, которые становятся символами неодоушевленного движения и возмездия. К таким вещам относится, например, уже упоминавшийся мешок. В тексте повести подчеркнуто, что он черного цвета, является сквозным элементом в нарративе писателя. Так, в тексте романа «Анна Каренина» тоже возникает мешок, только красного цвета. Мешочек появляется одновременно с обходным мужиком в самые важные, рубежные моменты жизни Анны Карениной. Совсем не случайно его появление при первой встрече Анны с Вронским. Ведь красный цвет — это символ страсти, который постепенно в сознании читателя репрезентируется в черный, поскольку такая любовь стала роковой для героини.

Стоит отметить, что для вещного окружения Л. Н. Толстого характерен и образ железной дороги, который функционирует и в романе «Анна Каренина», и в повести «Крейцерова соната».

Железная дорога в художественном мире повести выполняет сходные функции, оказываясь во враждебных отношениях с героем, который воспринимает их главным образом в морально-этическом преломлении. Железная дорога бездуховна, потому что сковывает человека, открыто противостоит ему. Именно на железной дороге служит самый неудачливый брат Ивана Ильича, сам он готов служить уже и там, лишь бы было достойное жалование, т. е. это своего рода безысходность, но безысходность неизбежная, а потому принимаемая.

Особого рассмотрения требует образ винта с учетом употребления в повести сразу нескольких значений этого слова.

С самого начала произведения мы встречаемся с этим понятием, как с одним из видов карточной игры («где повинтить нынче», «Вот те и винт!» [Толстой 1987б: 249]). Постепенно смысл слова меняется на метафорическое определение: человек как маленький винтик в механизме мира.

Осмысление такого подхода к жизни и смерти героя в повести Толстого заключается в том, что жизнь как игра противопоставляется смерти как моменту расплаты, срыванию масок с куклообразных игроков. Демонстрация, установка на видимость принуждает участников играть роли (носить поведенческие и речевые маски) [Молнар].

Действия главного героя в попытке избежать смерти можно истолковать и как игровые ходы, вспомним, что он был большим любителем «повинтить». Однако цель этой, последней игры уже не просто сорвать банк, но остаться в живых. Иван Ильич, будучи прекрасным карточным игроком, здесь проигрывает. Последние его дни — это не борьба за жизнь, а игра со смертью, бесплодные попытки переиграть ее.

5. Выводы

Н. В. Гоголь в поэме «Мертвые души» упоминает о незавидной судьбе писателя, «дерзнувшего вызвать наружу <...> всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров» [Гоголь 1985: 378].

Такая же тина мелочей, деталей, вещей и вещей опутала и в какой-то степени и прервала жизнь героя повести Л. Н. Толстого. Прямо связывая холодность характера и отстраненность Ивана Ильича от живой жизни с неодоушевленностью вещей, его окружающих, писатель приходит к мысли о том, что вещный мир, заменяя все живое, постепенно «затягивает» в себя не только главного, но и других героев, которые не замечают важных вещей в погоне за внешним лоском и сиюминутными удовольствиями.

Таким образом, можно сказать о том, что вещное окружение в произведении «Смерть Ивана Ильича» представлено следующей системой: вещи, являющиеся психологическим отражением укрытия правды (кружево, пуф и др.); «бунт вещей», определяющий разрушение мировоззренческих идеалов героя, его прозрение перед смертью.

Писатель выходит на новый уровень психологического реализма и психологического анализа. Его сущность состоит в отражении героя как предмета субъективного с позиций духовного соответствия объективным законам действительности. Именно поэтому любое психологическое описание в повести подразумевает скрытую и вполне определенную нравственно-философскую точку зрения автора, не нарушающую объективности изображения.

Литература

- Барабаш 2008 — *Барабаш О. В.* Психологизм как конструктивный компонент поэтики романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.
- Бочаров 1960 — *Бочаров С. Г.* Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчество Горького // Социалистический реализм и классическое наследие (Проблема характера). М.: Гослитиздат, 1960. С. 89–210.
- Введение в литературоведение 1988 — Введение в литературоведение: Учеб. для филол. спец. ун-тов / Г. Н. Пospelов, П. А. Николаев, И. Ф. Волков и др.; Под ред. Г. Н. Пospelова. М.: Высш. шк., 1988. 528 с.
- Гоголь 1985 — *Гоголь Н. В.* Мертвые души // Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 тт. Т. 5. М.: Худож. лит., 1985. 528 с.
- Есин 1988 — *Есин А. Б.* Психологизм русской классической литературы: учебное пособие, книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
- Литературная энциклопедия 2001 — Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК Интелвак, 2001. 1600 с.
- Лученецкая-Бурдина 2001 — *Лученецкая-Бурдина И. Ю.* Парадоксы художника. Особенности стиля Л. Н. Толстого в 1870–1890 годы. Ярославль: ЯГПИ, 2001. 156 с.
- Молнар — *Молнар А.* Метафоризация наррации («Смерть Ивана Ильича» [электронный ресурс] // URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633113> (дата обращения: 11.03.2024).
- Переверзева 1986 — *Переверзева Н. А.* Художественная функция символа в повести позднего периода творчества Л. Н. Толстого («Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Отец Сергей») [электронный ресурс] // URL: <https://cheloveknauka.com/hudozhestvennaya-funktsiya-simvola-v-povesti-pozdnego-perioda-tvorchestva-l-n-tolstogo-smertivana-ilicha-kreytserova-son> (дата обращения: 23.02.2024).
- Поэтика 2008 — Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
- Страхов 1975 — *Страхов И. В.* Психологический анализ в литературном творчестве: Пособие для студентов пед. ин-тов. Ч. 3. Саратов: [б. и.], 1975. 157 с.
- Толстой 1987а — *Толстой Л. Н.* Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12 тт. Т. V. М.: Правда, 1987. 430 с.

- Толстой 1987б — *Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича* // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12 тт. Т. XI. М.: Правда, 1987. 553 с.
- Хализев — *Хализев В. Е. Вещь* // Хализев В. Е. Теория литературы [электронный ресурс] // URL: <https://lit.wikireading.ru/43750> (дата обращения: 05.03.2024).
- Чернышевский 1939 — *Чернышевский Н. Г. ПСС* в 15 тт. Т. I. М.: Гослитиздат, 1939. 523 с.
- Чудаков 1992 — *Чудаков А. П. Слово — вещь — мир: от Пушкина до Толстого*. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.